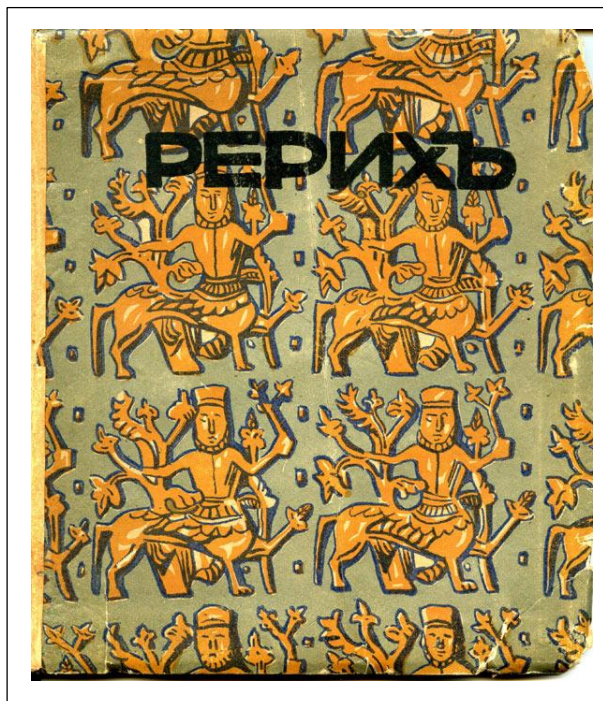

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Из монографии А.А. Ростиславова «РЕРИХ»,
гл. II. Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.:*

Случайно или нет, гимназия Мая оказалась рассадником некоторых наиболее крупных деятелей «Мира Искусства». Здесь ранее воспитывались Александр Бенуа, Сомов, Д.В. Философов. Ко времени окончания гимназического курса в 1893 г. у их более молодого товарища склонности сложились определённно. Он решил поступить на филологический факультет Петербургского университета, но по настоянию отца, желавшего в будущем передать ему свою контору, должен был поступить на юридический. Зато уступка была взаимной и одновременно Рерих становится учеником Академии Художеств, куда благополучно сдаёт экзамен по рисованию. Это было время только что произведённой академической реформы, когда были основаны профессорские мастерские и в профессора были привлечены известнейшие художники того времени, с Репиным и Куинджи во главе.

Реформа не оказалась благодетельной, но, как всегда в подобных случаях, первое время повеяло свежестью, известной энергией и напряжённостью в общей работе, свободной хотя бы в выборе профессоров. В этом отношении Рерих был счастливей своих предшественников, товарищей по гимназии, которые после кратковременного пребывания, вынесли только отвращение к дореформенной Академии. К художественным успехам молодого студента двух высших учебных заведений в семье относились равнодушно, может быть,

даже с тревожным недоброжелательством. А между тем уже самые первые успехи были крупны. Поступив в головной класс, в октябре того же года. Рерих был переведён в фигурный, а к весне в натурный, сократив, таким образом, до возможного *minimum*'а пребывание в двух первых классах.

Надо удивляться работоспособности и энергии художника в эти совсем ещё юношеские годы. Одновременно с университетским курсом приходилось проходить не только специальные художественные классы, а и научные академические курсы, сдавать одновременно с университетскими довольно сложные академические экзамены, писать зачётное университетское сочинение. Естественно, что следуют прошения об отложении экзаменов по научным академическим курсам до получения университетского диплома в 1897 г., а потом до 1899 г., благодаря чему академический диплом подписан только 20 апреля 1900 г. ¹ [20 марта 1898 г. – ред.]

Но помимо сложных обязательных занятий, находилось ещё время работать над летописями в Публичной Библиотеке, где состоялось знакомство с В.В. Стасовым. Любопытно, что столь яркая художественно-публицистическая деятельность Стасова как-то не интересовала и даже мало была известна Рериху, он был тогда далёк от литературной и художественной партийности и однажды поверг в ужас Стасова, сообщив, что показал одну из своих былин Буренину. Но, может быть, именно благодаря такому безразличию, особенно бросалась в глаза искренность и глубина увлечения стариной. Стасов, так радушно и любовно относившийся к тем, кто его интересовал, очевидно, заинтересовался молодым археологом, студентом и художником, звал его “приходить” и это знакомство, но исключительно в пределах Публичной Библиотеки, продолжалось довольно долго.

Углубление в изучение искусства шло в связи с общим высшим образованием, с духовной и научной университетской дисциплиной, что так благотворно сказалось и на других университетски образованных художниках “Мира Искусства”. Столь редкие прежде и нередкие сейчас университетски образованные художники вносят в своё искусство ту широту и тонкость общей культурности, которые так роднят искусство с другими областями духовной деятельности и так популяризируют его в лучшем смысле. Слияние дисциплин научной и художественной даёт богатую почву для широкого общего развития и миропонимания. Юристом-художником искусство прошлого, столь ярко выражавшее известные исторические эпохи, воспринималось под углом зрения общественных и социальных наук. И в зачётном сочинении “Художники древней Руси” юридически-бытовая тема слилась с художественно-исторической.

Помимо благотворного влияния Спицына, Стасова, выдававшихся тогда профессоров юридического факультета Сергеевича, Фойницкого, Рерих в свои учебные годы подвергся ещё одному важному художественно-этическому влиянию. Подобно многим ученикам Академии, попав в натурный класс, он начал несколько “путаться”, благодаря отсутствию серьёзного руководства. Так обычно именно талантливых художников преодолевают первое время после гипсов сложные задачи рисования и живописи с живой природы. Мастерская Куинджи, как и сам профессор, уже пользовались тогда большой попу-

¹ В монографии А.А. Ростиславова ошибка. В дипломе стоит дата: 20 марта 1898 г. (см. Диплом на стр. 359 – ред.)

лярностью. По совету одного из товарищей, там работавших, Рерих направляется туда. Лёгкость приёма оказалась удивительной. Популярный профессор, рассмотрев работы нового ученика и расспросив его, сказал сторожу при мастерской: “Это вот они сюда будут ходить”. Впрочем, было взято слово, что новый ученик получит по общему рисовальному классу “первый разряд”, без чего не было формального права на переход в мастерскую. Руководительство Куинджи было чрезвычайно оригинально в соответствии со всей его крупной самобытной личностью. Известно, что из его тогдашней мастерской вышел целый ряд выдающихся сейчас художников, совершенно не похожих друг друга.

В пейзажной мастерской работали с одетой живой натуры, делали эскизы далеко не одного пейзажного характера. Руководительство ограничивалось более или менее меткими замечаниями при бережном и внимательном отношении к индивидуальностям. Поощрялись, например, Рериховские сказочные эскизы, вроде “Иван Царевич наезжает на убогую избушку”, одновременно и литературные опыты, вроде былины, изображавшей тогдашних академических деятелей и их отношения. Если не всем ученикам было близко искусство Куинджи, не строго выработанное, но самобытно импрессионистское, то на всех должна была влиять его личность. Характерной чертой и её и его самого искусства было дерзание, качество, присущее самобытным дарованиям, необходимое для них, но нередко подавляемое личной робостью и неуверенностью. Энергия и смелость, какими отличался Куинджи, вливались им в учеников наряду с проникавшим всю натуру его энтузиазмом к искусству. Боязнь презиралась, как недостаток этого энтузиазма, но бодрый совет, бодряя поддержка всегда были наготове: “если вы художник, хоть в тюрьму вас посадить, сумеете сделаться художником” – звучало не фразой в устах того, кто в юности целые дни сидел за ретушёвской работой, чтобы заработать хлеб, и вставал в 4 часа утра, чтобы учиться и писать с натуры. Заветы Куинджи настолько были запечатлены обаянием живого примера в его личности, что не могли не вспоминаться в трудные минуты его учениками. Не столько руководство, сколько художественная атмосфера, внесённая руководителем в мастерскую, была благодетельна для начинающих художников. Заботливость Куинджи о художественном образовании своих учеников была так велика, что в 1898 г. он организует на свои средства поездку их за границу. Любопытно, что Рерих уклонился от участия в этой поездке, ничуть не обидев, а скорее наоборот, организатора поездки таким проявлением самостоятельности. Индивидуальности профессора и одного из наиболее даровитых его учеников были различны, но в памяти ученика навсегда остались беседы, оригинальные поступки, примеры трогательной заботливости, не прекращавшиеся до смерти учителя.

Неудивительно, что после нашумевшей в своё время истории в Академии Художеств, когда результатом оказался уход Куинджи из профессоров, почти все его ученики решили уйти вместе с ним. Это был общий порыв, которым неожиданно для Рериха определилось окончание им академического курса и вместе с тем уже несомненное и яркое выступление на художественное поприще.

Н.К. Рерих - студент Императорского СПб. Университета.

Часть I.

ВЫБОР ПУТИ ЖИЗНИ.

Человек, вступивший на путь Учения, должен отдавать себе отчёт во всех своих поступках и должен знать, что нарушение им нравственных основ повлечёт за собою усугублённые для него последствия, ибо он не может уже сказать, что он поступал в неведении»

(Из записей Е.И. Перух. 1939 г.)

КРЕДО

Я думаю, что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное – во времени (*vita brevis est*²), то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще...

Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим, и всю жизнь провести всё-таки без пользы.

Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уже намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый путник свернёт в сторону, чтобы напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уже такой поступок непростителен – он потерял путеводную звезду.

Если учёный, изобретая что-либо, напр.. воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного. Но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть учёным и делается дилетантом.

В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором – любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество – в груди и страсти – в нижних частях тела.

Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду, - он отдаёт долг своей художественной натуре. И коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой, и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках.

Конечно, кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? *Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу, не оказавшись пустоцветом.*

(Из письма Н.К. Перуха к Антокольскому Л.М. 29.05.1894 г.)

² Жизнь коротка (*лат.*) - Ред.

Из воспоминаний...

УНИВЕРСИТЕТ

Семейный гордиев узел был разрешён тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернётесь?» Был прав, но всё же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачётное сочинение - «Правовое положение художников Древней Руси». Пригодилась и «Русская Правда», и летописи, и «Стоглав», и акты Археографической комиссии. В Древней, в самой Древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как её хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского археологического общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу – спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету сравнительно с Академией уделялось всё же меньше времени. Из студентов-юристов помню Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинарах и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический факультет считал меня своим...

1937 г.

Н.К. Рерих. «Зажигайте сердца». Москва. 1975 г.

Его превосходительству
Господину Ректору Императорского
С.-Петербургского Университета.

Прошение
от сына С.-Петербургского Нотариуса
Н.К. Рериха,

Желая поступить в число студентов Императорского С.-Петербургского
Университета по юридическому факультету и представляя при сём:

1. метрическое свидетельство
2. свидетельство о приписке к призывному участку
3. аттестат зрелости, выданный из классической гимназии
4. формулярный список о службе отца моего
5. копии с вышеуказанных документов и три фотокарточки,
имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять меня в
число студентов Императорского С. Петербургского Университета по юри-
дическому факультету.

С.-Петербург, 1893 июля (...) дня. Н. Рерих
Местожительство имею: 1-го участка Университетская набережная, д. 25.

Публикуется по изданию: Л.В. Шапошникова «Великое путешествие», Кн. 1. М. 1998 г.

Из воспоминаний...

АКАДЕМИЯ

Сколько чувств будило здание академии! Музей, скульптуры, тёмные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами... Удастся ли попасть туда?

Лето 1893 года работа с И.И. Кудриным в музее академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. «Не увлекайтесь тушевкой, - учит Кудрин, - главное покажите, как строите».

На экзамене голова Антиноя. Сделал что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: «Не в этом – так в будущем году». - «Неужели провал?» - «В списке нет вас». Но тут же стоит швейцар академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещивает Новаренко: «Чего смущаете? Раньше, чем говорить, прочли бы списочек». Принят и даже хорошо!!

Головной класс – профессора Лаверецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: «У вас Аполлон-то француз – ноги больно перетонили!»

В натурном – Виллевалде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвёртый разряд. Пошёл жаловаться: «Как же так, профессор, - вы так хвалили?» - «Ну что ж, у других ещё лучше было». За эскиз «Плач Ярославны» я получил первый разряд. Тогда же эскизы «Святополк Окаянный», «Пскович», «Избушка пустынная», «На границе дикий человек», «Пушкари», «Вече»...

Старая академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть – к Репину или к Куинджи?

Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: «Пойдём лучше к Куинджи». Пошли. Посмотрел сурово: «Принесите работы». Жили мы близко – против Николаевского моста, - сейчас и притащили всё, что было. Смотрел, молчал... Что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: «Это вот они в мастерскую ходить будут». Только и всего. Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал – например, за «Поход», - а потом говорил: «Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки – и так можно!»

1937 г.

Николай Рерих. Зажигайте сердца. Изд. Молодая гвардия. 1975 г. (Лист дневника № 8.)

Тициановский зал Императорской Академии художеств. 1890-е гг.

Библиотека Императорской Академии художеств. 1910 г.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

"Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкия песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное летит под песни ямщиков", - говорит Гоголь о русской песне. Теми же словами можно сказать и о всех областях русского искусства.

Ещё недавно любовались мы "Словом о Полку Игореве", украшенным превосходными миниатюрами палеховских и мастерских мастеров. А ведь было время и ещё на нашем веку, когда этих мастеров не считали чем-то серьёзным. Так себе, иконописцы! Но стоило открыть дверь этому народному сокровищу, и получились отличные вещи. Кто приближался к русским самобытным кустарям, тот знает, какой неисчерпаемый кладёзь рукоделия и воображения заключён в народных глубинах. За время школьной деятельности мне пришлось встретиться со многими самоучками всегда радуюсь, что на собственном опыте пришлось удостовериться, как даровит народ. Стоит лишь открыть доступ к истинному художеству, и дарования вспыхивают в прекрасных образах.

В будущем году Академия Художеств празднует 175-летие своего существования. Каждый из нас, прошедших академическую учёбу, добром помянет свои школьные годы. Как таинственно зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окружённое по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный Институт - с одной стороны, Меншиковские Палаты, Университет, Биржа - с другой стороны.

От самого своего основания - от времён Екатерининских, От Дашковых, от Шуваловых, от наследий гениального Ломоносова стены Академии вместили и Боровиковского, Левитского, Кипренского, Венецианова, Брюллова и всю

знаменательную группу передвижников. Нельзя сказать, чтобы Академия отворачивала от себя, ибо имена Репина, Куинджи, Маковских, Матэ, Шишкина, Дубовского и всех, имена которых остались в истории русского искусства - все эти мастера, так или иначе, прошли через Академию или около Академии. Среди рисунков в Академии на стенах классов можно было видеть целое собрание наших лучших художников - даже такие новаторы, как Врубель, оставили свои памятки на стенах натурального класса.

Нашему поколению пришлось ознакомиться с двумя эпохами Академии. Мы начали работу при старых профессорах вроде Вилливальде, Шамшина, Подозерова, Лаверецкого, Пожалостина и при нас на наших глазах совершилась реформа. Пришли передвижники. Можно было свободно избрать себе руководителя, и традиционный академизм, о котором так много говорилось, сменился свободой работы.

Из всех старых профессоров удержался лишь один П.П. Чистяков. В нём было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорее перейти из натурального класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанристом, а другой пейзажистом, но по самому характеру этих мастеров. Создалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. Но в сущности этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас Пурвит, Руциц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский - каждый был занят своей областью.

В составе профессоров Академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е. Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов любителей были такие доброжелательные собиратели, как гр. Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков...

Старо-академическое крыло держалось М. Боткиным. О нём можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни - был свидетелем той "римской" группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно "Мир Искусства" был ненавистен Боткину. Но такая борьба неизбежна.

Бывали и такие диалоги. Встречаю Боткина, выходящего с выставки "Мира Искусства". Он бросает мне: "Всё сжечь". - "Неужели всё?" - "Всё". "И Серова?" - "И Серова". - "И Врубеля?" - "И Врубеля". - "И Александра Бенуа?" - "И Бенуа". - "И мои?" - "И ваши". - "И ваши нужно сжечь?" Боткин вскидывает руками и спешит дальше. Уж эти аутодафэ! До чего они полюбились от самых древних времён! Но эта сожигательская группа в Академии Художеств была в значительном меньшинстве.

Московская группа была представлена внушительно - Суриков, братья Васнецовы, Виноградов. Таким образом, соревнование Москвы и Питера уравновешивалось. Кондаков, Айналов и Жебелев представляли, так сказать, профессорскую группу по истории искусства. Представители семьи Бенуа вносили культурное веяние. Конечно, такие революционеры, как Дягилев, в Академию не могли попасть, и это было жаль - ведь именно такие пламенные деятели могли вносить особенное оживление в деятельность Академии.

Такая работа могла бы иметь огромное культурное значение. Кроме самой Академии, в её ведении находился ряд художественных школ. Из них

Киевская (Мурашко), Одесская, Харьковская и другие представляли из себя крупные художественные центры. По всем необъятным просторам могли быть раскинуты целые множества очагов искусства. Сколько утончения вкуса, сколько истинного отечествоведения могло бы быть легко посеяно даже в самых удалённых областях! Конечно, жаль, что так называемые художественно-промышленные школы находились в ведении Министерства Торговли и Промышленности - вне касания художественных центров. С давних времён мы пытались бороться против этого бюрократического разделения. Наш постоянный девиз - "искусство едино" не получал чиновных признаний. Между тем, какое замечательное художественно-культурное единение могло бы состояться! Где же можно провести черту между искусством и художественною промышленностью? Почему пуговица, вышедшая из мастерской Бенвенуто Челлини, должна быть нехудожественным произведением, а отвратительная олеографическая картина будет претендовать на высокое искусство? Деление может быть лишь по качеству, безразлично, из какого материала создано произведение. О таких предметах трудно было спорить и в Академии Художеств, и в Министерстве Торговли и Промышленности. А со временем с любовью вносятся в музеи как картины и скульптура, так и художественные иконы и превосходные, вполне художественные изделия кустарей.

В далёких Гималаях, конечно, весьма трудно было следить за всеми русскими художественными изданиями последних лет. Но всё же, кроме превосходно изданного "Слова о Полку Игореве", мы получили хорошие книги о переписке знаменитых мастеров, о лессировке, а также прекрасные монографии Юона, Петрова-Водкина, два тома, посвящённые Репину, и в последнее время автобиографию Грабаря. Все книги имеют много цветных воспроизведений, и многие из них отличного качества. Самый текст обработан чрезвычайно серьёзно, а библиографический материал собран весьма тщательно. Кроме этих больших изданий, нам пришлось видеть и целую серию общедоступных школьных книг вроде прекрасно написанной биографии Бородина. Таким образом, и школьный возраст может знакомиться с выдающимися Деятелями своей родины.

В Школе Общества Поощрения Художеств, кроме разнообразных мастерских, мы вводили также, и хоровое пение, и очень хотелось обогатить программу введением и музыки. Ведь художественные дарования развиваются так своеобразно. Не забудем, что Верещагин не был принят на экзамене в Академию Художеств, а Куинджи трижды держал экзамен неудачно, и на третий раз из тридцати экзаменовавшихся только он один не был принят. Вот каковы неожиданности жизни. Впрочем, именно тогда был наиболее глухой период академической деятельности. Если же взять списки академических заграничных пансионеров, то можно лишь удивляться, сколько из них не оставили следа в истории русского искусства.

Теперешний юбилей Академии Художеств должен быть не только памятным днём прошлому, но и праздником для будущего русского искусства. Среди всего великого и необычайного пусть Академия Художеств не будет похожа на всякие Академии - но пусть явится деятельным и живым рассадником для всех народных дарований.

.....

28 Сентября 1938 г. Гималаи

"Октябрь", 1958, № 10

**Извлечение из временных правил для поступления
в Императорскую Академию Художеств, напечатанных по распоряжению
Вице-Президента Императорской Академии Художеств от 16 Апреля 1890 года.**

§ 2

В число учеников Академии принимаются молодые люди, окончившие курс наук во всех средне-учебных заведениях, а также в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в Одесской рисовальной школе и в Варшавском рисовальном классе.

Примечание. Желаящие поступить в число учеников Академии по архитектуре, подвергаются поверочному экзамену по математике и физике.

§ 3

Желаящие поступить в число учеников подают о том в Правление Академии, не позже 1 Августа, прошения на простой бумаге, с обозначением отрасли искусства, которую намерены изучать и представляют нижеследующие документы: 1) метрическое свидетельство о рождении; 2) свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности или об отбытии этой повинности; 3) свидетельство учебного заведения, в котором воспитывались; 4) документ о звании или состоянии или / для лиц принадлежащих к податному сословию / , увольнительное свидетельство; 5) свидетельство от полиции о благонадежности; 6) засвидетельствования установленным порядком копии со всех вышеозначенных документов и три фотографические карточки.

§ 4

Приёмный художественный экзамен производится только один раз в год, в Августе месяце. Правлению Академии предоставляется ограничивать приём учеников, в случае неимения достаточного числа свободных мест в классах.

§ 10

Неимеющие аттестатов, необходимых для поступления в число учеников Академии могут просить о поступлении в число вольнослушающих. Правлению Академии предоставляется ограничивать приём вольнослушающих, в случае недостатка свободных мест в классах.

§ 11

Приём в число вольнослушающих производится один раз в году, в Августе месяце, и потому желаящие поступить обязаны подать о том в Правление Академии, не позже 1-го Августа, прошения, на простой бумаге, с обозначением отрасли искусства, которую намерены изучать. К прошению должны быть приложены: а) паспорт, с приложением увольнительного свидетельства лиц податных сословий, б) свидетельство о приписке к призывному участку, в) метрическое свидетельство о рождении, г) свидетельство от полиции о благонадежности, д) засвидетельствованные установленным порядком копии со всех вышепоименованных документов. Затем желаящие поступить в вольнослушающие обязаны, в назначенный день и час, явиться для выполнения в классах Академии рисунка с гипсовой головы.

Печатано по распоряжению Императорской Академии Художеств
Марта 17-го дня 1892 г. Типо-Литографии Бр. Шумахер В. О. Тучков пер. 1

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/544, 2 л.

В Императорскую Академию Художеств.
Сына С. Петербургского Нотариуса Николая
Константиновича Рериха

ПРОШЕНИЕ

Желая поступить вольнослушателем Императорской Академии Художеств по отделу живописи, имею честь покорнейше просить принять меня вольнослушателем по отделу живописи. При сём прилагаю копии:

- 1) с метрического свидетельства моего за № 376;
- 2) с свидетельства о приписке к призывному участку, выданного 20 января 1893 за № 5;
- 3) с аттестата зрелости об окончании мною курса наук в гимназии, выданного 1 июня 1893 г. № 56 и
- 4) с формулярного списка о службе отца моего, засвидетельствованную 12 февраля 1885 зам 652.

С.Петербург, 1893 июня (...) дня Н, Рерих.

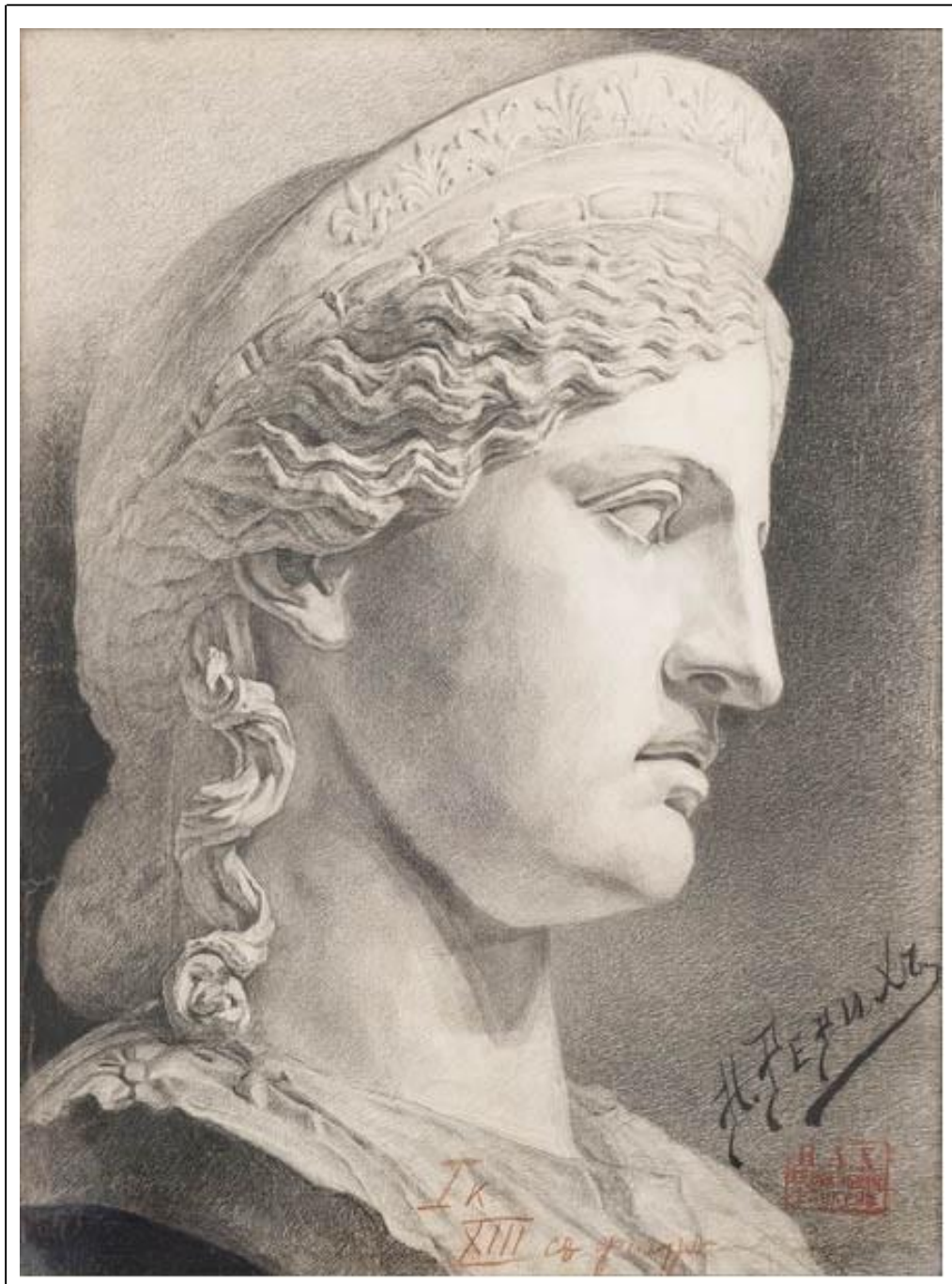
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/5, 1 л.

«Вспоминаю 1893 год - экзамен для поступления в Академию. На экзамене была поставлена голова Антиноя. Рисовали три часа и с трепетом подали. С трудом могли дожидаться результатов экзамена. Прихожу в большой вестибюль Академии - там меня встречает один ученик и начинает утешать: "Не в этом, так в будущем году". - "Неужели провал?" - "В списке вас нет". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш - мы его очень любили - он укоризненно усовещивает шептателя: "Чего смущаете, раньше, чем говорить - прочли бы список толком". Принят, и даже хорошо! На радостях пошли посидеть в Академический сад - там хорошо бывало в осеннее время, среди золота лип и клёна».

(Н.К. Рерих «Академия художеств», 1938 г.)

...В 1894 г. Куинджи становится преподавателем в реформированной — отчасти под его влиянием — Академии художеств и за какие-нибудь три года воспитывает в своей мастерской целую плеяду выдающихся пейзажистов (Рерих, Борисов, Рылов, Руциц, Пурвит, Богаевский и др.)....

Ива. 1914. 11 января. №2. С. 32-35. (А. И. Куинджи (Очерк М. Неведомского)

Н.К. Рерих. **Голова Юноны**. Академический рисунок с гипса. 1893.
Бумага, карандаш. 58 x 40 см. Справа внизу чёрной тушью: **Н.Рерихъ**

2 ноября 1893 г. Экзаменационная работа.

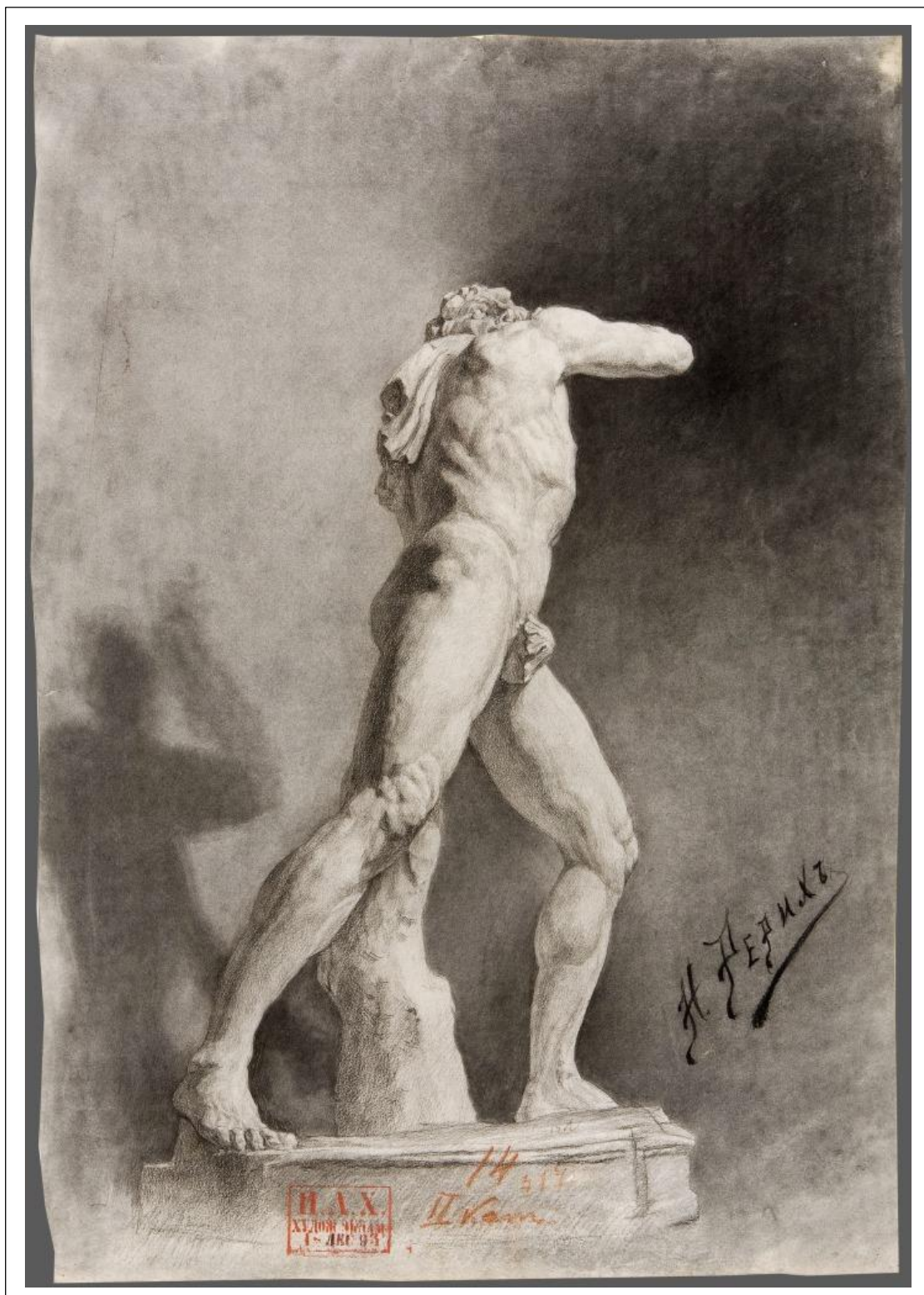

Отречение Петра. 1893 г.

Бумага зелёная, акварель, белила. 35 x 27,2 см.

Справа внизу в углу подпись: Н. Рерихъ.

Справа внизу на паспарту печать: ИАХ. Худ. экз. 2 ноябр. 93.

Н.К. Рерих. Академический рисунок с гипса. 1893.
Внизу печать: И.А.Х. / Худож. экзам. / 1 дек. 93. Оценка: II кат.